

«Игроки»: вокруг одного спектакля

Прошлым летом Сергей Юрский писал открытое письмо своему зрителю, грустное и трогательное: «Я продолжаю работать, пока есть силы и пока есть возможности, впрямь, не требуя немедленного отклика. Ты тоже трудись и живи как живется. Я уверен, что дождешься тебя... До скорого свидания» («ЛГ», 22.07). Трудно предположить, насколько затянулась бы разлука, если б актер не решил сам выковать свое театральное (и наше зрительское) счастье. Вчера состоялась официальная премьера «Артели артистов» — объединения, которому весьма к лицу это удвоенное «арт». Объединения театральные «звезд» под началом С. Ю. Юрского.

Нам тоже хочется сделать шаг навстречу собственной мечте и отчасти удовлетворить тоску по лучшей жизни. «Артель артистов» — слово из тех счастливых времен, когда знаменитые меценаты содержали великие театры, а в утренних газетах появлялись рецензии на вчерашние великие премьеры. А впрочем, пройдет немного времени, и наутро после банкета режиссер будет помечтать в записной книжке: «Лежал в кровати до часа. Читал рецензии. Отзывы неожиданно прекрасные...» (К. С. Станиславский, 1906 год).

ИХАРЕВ. А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

Фото Евгения ФЕДОРОВСКОГО

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ, как бы вы охарактеризовали сегодняшнее состояние традиционной театральной культуры?

— Место ее очень незначительно в нынешнем движении жизни. Впрочем, волна — всегда волна, у нее есть подъемы и спады. Сейчас нужно не дать театру совсем умереть, чтобы к тому времени, когда волна пойдет вверх — а это, я убежден, будет, — сохранить, не растерять ценности этого необходимого России искусства.

Я верю в то, что драматический театр не только традиционен для России, но и является обязательной частью нашей духовной жизни. Это один из способов нашего «думания» о себе, наша философия, наше стремление к гражданственному общению. Так получилось.

Не то чтобы мы были уникальны — в Англии, как мне представляется, драматический театр имеет огромное значение. Но вот, скажем, во Франции, где я сам работал и знаю ситуацию, театр, хотя и имеет замечательные традиции, но с философией, с социальной жизнью связан гораздо слабее. Там это, скорее, часть эстетической жизни.

— Вы считаете, что это лишь временный спад?

— Он пройдет, но я думаю, что этот спад будет очень серьезным, потому что это спад самого искусства, спад востребованности этого искусства, взаимоотношений со зрителем, финансирования.

— Это зависит от того, когда выйдет из кризиса общество?

— Искусство не напрямую связано с подвешенностью в политической ситуации. Пропасть в экономике не обязательно совпадает с пропастью в литературе. Могут совпадать. Могут и не совпадать.

— А в данном случае?

— В двух словах не ответишь. Но я постараюсь быть кратким. Сейчас одна из самых расхожих фраз, которые приходится слышать: «А вот в цивилизованном обществе!» Упрекая друг друга по разным поводам, все кивают на некое цивилизованное общество. И все время говорят о том, что культура нужна. Это не одно и то же. Я бы предложил для нашего разговора такую формулировку: цивилизация — это увеличение возмож-

лит. газета. — 1992. — 26 декабря — с. 8
Сергей ЮРСКИЙ:

Оставайтесь на местах

ностей, а вместе с возможностями и увеличение потребностей. А культура — может быть, это спорное, но для меня очень важное утверждение — есть ограничение, и прежде всего самоограничение. Цивилизация состоит в том, чтобы не валить одно дерево кучей в сто человек. Дикари навалились, лианы призвав к столу, потянули, сломали, сделали пирог. Люди цивилизованные привезли электропилу, отпилили, увезли, ветки обрубили хорошим топором. Вот разница между дикостью и цивилизованностью. А культура состоит в том, чтобы не спилить весь лес, ограничить себя себе же на пользу. У нас же сейчас культурой считают топоры и пилы.

— Стало быть, кризис культуры обусловлен не столько кризисом экономическим или политическим, сколько кризисом мировоззрения?

— Можно сказать и проще: люди обалдели. В том числе проповедники наши, которые выступают на ТВ и в газетах — обалдели. «Давайте развивать торговлю!» — это правильно. «Давайте развивать частную собственность!» — это правильно. Приватизация — наверное, это правильно. Но молиться на все это нельзя! Нельзя кричать, что торговля есть смысл жизни. А ведь примерно к этому сейчас пришли, и тут я говорю: обалдели. Торговля не есть смысл жизни. Опыт Запада, с одной стороны, показывает, как можно общество сделать богатым, а с другой стороны, — что это богатое общество может и не быть счастливым. Путь к счастью — это непрерывная дорога усилий души, а о ней сейчас и речи нет. И за театр тревожно.

Цены, торговля и все прочее безоговорочно поставлено во главу угла!.. Причем торговля беспардонная. Вместе с ограничениями отменили и совесть.

— Вы о чем?

— Допустим, о количестве торговой рекламы. Я сейчас минут пятнадцать стоял в пробке на площади Маяковского и много раз просмотрел гигантскую рекламу, где упомянуты фамилии довольно близких мне людей. Буквы размером в три метра: «такой-то и такая-то в новом скандально-эротическом фильме «Секс-сказка». Отворачивая глаза — стоит

Маяковский, которого, наверное, снесут скоро, потому что не сочетается он с этой рекламой — нахальной, зазывной, бессовестной... Плохо было, когда мерцало «Народ и партия едины!» Плохо. Все понимали. Но это разве хорошо?

Вот мы и освободились. Вот за что мы боролись. Теперь мы можем показать, какие мы на самом деле... Мы на самом деле — такие?

— Вы спрашиваете меня?

— Себя.

— Вы следите за актерскими рейтингами?

— Рейтинг актера — это чепуха. Я интересуюсь актерами и слежу за ними, но никогда ни на какие анкеты типа «Кого вы считаете лучшим актером года, месяца, Европы?» не отвечал. Пишут люди возбужденные, определенного вкуса. Эфрос вообще говорил, что кинематограф — искусство для девушек от четырнадцати до восемнадцати, все остальные зрители — лишь дозвон к ним. Пишут они. И пишут не от хорошей жизни. Эта массовая культура — культура очень ударной, несчастливой, девочки. Которую нужно накормить, нужно одеть, колготки — чтобы не были по сто пятнадцать рублей — вот что нужно. Они не виноваты, что у них душа ущербна, им надо лишь помочь, и все наладится.

Рейтинг, имидж... чепуха. Что такое имидж? Что такое «звезда»? Я читаю беседу с Лёней Ярмольником: «Вы звезда», — говорит ему корреспондент, и он пропускает это мимо ушей, как бы проглатывает. Стыдно же быть «звездой»!

— Сейчас иногда приходится слышать, что система «звезд» — чуть ли не альтернатива системе Станиславского.

— Как это?

— Искусство может строиться или на единомыслии, ансамбле, общей этике или на «звездах».

— Не слушайте. Чуть. Но я такую примерно ахию слышу частенько и решил доказать обратное. Я взял, пригласил своих друзей и сказал: ребята, давайте спасать драматическое искусство. Давайте соберемся вместе и создадим артель. Нигде, в пустоте. И сделаем спектакль. Одни звезды. Но настоящие,

драматические, для которых «артист» это больше, чем «звезда». Филатов, Евстигнеев, Калягин, Невинный, Хазанов, из молодых — Юра Черкасов и Саша Яцко. Из женщин — одна Наталья Тенякова. Художник — Давид Боровский. Режиссер — я. Помещение — МХАТ. Играть будем Гоголя. В основе — пьеса «Игроки», но она насыщена другими гоголевскими вещами. Действие будет перенесено в 1999 год. Мы хотим проверить, насколько Гоголь годится не только для нас — для всего. Насколько он — матрица всего. И просто хотим хорошо поиграть. На это нужно очень много времени, усилий, нужно отвлечься от выгоднейших предложений, которые валяются на этих людей. И они на это пошли. Потому что они тоже хотят защитить драматическое искусство.

— То есть вы в новых условиях пытаетесь сохранить прежние правила игры, прежний уклад человеческих отношений, почти как герои в «Белой гвардии»?

— Во всяком случае, я вслед за Булгаковым призвал бы не срывать абжур с лампы. И еще он говорил: если за вами придут — не бегите, сидите дома и ждите. Я бы сказал: оставайтесь на своих местах. Не сбегите только все с корабля или из театра, или из того искусства, которым вы занимаетесь. Не снимайте все сразу в скандально-эротических фильмах. Кто пошел, тот пошел. Но не делайте из этого вывод, что все вообще отменено, и все, что было семьдесят три года, отменено тоже. Это самобман. Или ложь. Эти годы совсем не были нежитью. Они были жизнью. И тоже входят в процесс нашего развития, от которого никуда не деться не только нам, прожившим большую часть жизни, но и нашим детям.

Беседу вел
Илья АЛЕКСЕЕВ